

СМЕРШ —
спецназ Сталина

АЛЬПИЙСКИЙ УЗЕЛ

Александр Тамочиков

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Альпийский узел

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Альпийский узел / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2021 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-120571-3

Весна 1945 года. В одном из освобожденных городов Австрии действует особая группа СМЕРШ под командованием майора Андрея Гордина. Ее задача: найти работавшее в этом районе до прихода советских войск производство фальшивых денег. С их помощью нацисты планировали подорвать экономику СССР и его союзников. Немцы успели свернуть и эвакуировать завод. Но куда? По данным оперативников, колонна с оборудованием из города не выходила. Гордин решает тщательно проверить окрестности и неожиданно оказывается лицом к лицу с опасным врагом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120571-3

© Тамоников А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Александрович Тамоников

Альпийский узел

© Тамоников А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

Утром 6 апреля 1945 года начался штурм Вены. С юга и востока на город наступали две советские армии – 4-я и 9-я Гвардейские. Гитлеровцы сопротивлялись с невиданным упорством. Это был последний бастион на пути к южной части Германии. В районе Вены находились последние месторождения нефти, которые рейх мог использовать в военных целях.

Фюрер бился в истерике, призывая солдат держаться. Вену окружили противотанковыми рвами, город ошетинился стальными ежами и противопехотными заграждениями. На улицах строили баррикады, почти все каменные здания превратились в крепости для многодневной обороны. Саперы заминировали все мосты через Дунай.

Живой силы для удержания города было предостаточно – Вену обороняли остатки танковых и пехотных дивизий из состава 6-й танковой армии СС, курсанты венской военной школы, полтора десятка отдельных батальонов. Для участия в уличных боях из состава полиции сформировали четыре полноценных полка. С самого начала битва приняла ожесточенный характер. Немцы яростно отбивались, бросались в контратаки.

Но наши войска продвигались, давили сопротивление. 6-я Гвардейская танковая армия обходила город с запада – предотвращая отход врага в этом направлении. Танки преодолели сложный массив Венского леса, обогнули город и через сутки вышли к Дунаю. Вену зажали с трех сторон.

Уличные бои не стихали, с боем брали каждый дом. Группа разведчиков под проливным огнем разминировала Райхсбрюке – главный городской мост. Венскую группировку рассекли на части и методично добивали. Войска, наступающие с юга, соединились в центре города с танками 6-й Гвардейской армии. Гарнизон еще сопротивлялся.

11 апреля советские войска форсировали Дунайский канал – и сопротивление нацистов было сломлено. Остатки группировки сдавались в плен, небольшому количеству военных удалось прорваться в северном направлении...

Восточнее Вены, километрах в пятидесяти, расположился городок Абервельд – компактное поселение на двенадцать тысяч жителей. Город окружали живописные холмы. По Абервельду петляла и убегала в Богемию речушка Права, обрамленная крутыми берегами. Жизнь текла размеренно, в городе стоял небольшой гарнизон, несло службу подразделение Ваффен-СС.

Внезапное наступление Красной армии нарушило привычный покой. В успех русских здесь не верили. То, что они прошли Румынию, Венгрию, часть Польши, – это одно, но здесь, на рубежах тысячелетнего рейха, такое невозможно! До последнего не укладывалось в головах. Считалось, что немецкая армия не будет отступать бесконечно и когда-нибудь перекроет дорогу диким ордам.

Австрия казалась неприступной. Часть священной земли – незабываемый аншлюс 1938 года, Венская опера, Штраус, Шуберт, родина фюрера...

Но все обернулось крахом. 12 апреля, когда в столице еще стреляли, из Абервельда вышла на север колонна грузовиков «Опель-Блиц» с зачехленными кузовами. Две машины шли с грузом, третья перевозила пехотинцев, они носили руны «зиг» в петлицах и имели на вооружении автоматы STG-44 – недавнюю разработку германских оружейников. Охрана двигалась впереди, замыкал процессию легковой «Мерседес» с опущенным верхом.

Красная армия еще не подошла, эвакуацию не объявляли. Гарнизон получил приказ обороняться до последнего. Только упомянутая колонна в этот день покинула город. Она шла по единственной дороге в северном направлении. До ближайшего городка Гуфштадт было двенадцать километров. Дорога змеилась вдоль холмов по живописной местности. Перелески перемежались скальными массивами.

Эвакуировались оборудование и продукция секретного предприятия. Гауптштурмфюрер Горман сидел рядом с водителем «Мерседеса», нервничал и кусал губы. Почему не сделали этого раньше? Трезвые головы прекрасно понимали, что Австрия обречена, почему тянули до последнего, на что рассчитывали? Даже в столь тяжелое время военная бюрократия не может не удивлять!

Гауптман Горман был исполнен дурных предчувствий, интуиция подсказывала, что добром это дело не кончится. Его чутье в этот день не подвело.

Советская разведка имела сведения о планах противника. Взвод парашютистов сбросили в квадрат перед рассветом – на полпути между Абервельдом и Гуфштадтом. Населенные пункты на маршруте отсутствовали, преобладала скалистая местность. Немецкая ПВО уже фактически не работала, в воздухе господствовала советская авиация.

Десант сбросили на малой высоте, самолет растворился в низкой облачности. Старший лейтенант Кузнецов имел задачу воспрепятствовать движению колонны. В идеальном случае – захватить, в крайнем – уничтожить. Имелись точные данные, в котором часу она пройдет.

Парашютисты заняли выгодные позиции среди скал. Колонна попала под шквальный огонь из автоматов ППШ и ручных пулеметов Дегтярева. Попытка немцев прорваться потерпела неудачу. Колеса головной машины превратились в лохмотья. Пехотинцы покинули кузов, рассредоточились у дороги. Их расстреливали со скрытых позиций в скалах. Надрывал глотку гауптштурмфюрер Горман. Пятились грузовики с зачехленными кузовами. Они перевозили хрупкий и дорогостоящий груз. Водители вывели машины из опасной зоны. Объездная дорога отсутствовала.

Силы были примерно равны, но советские десантники имели тактическое преимущество. Они рассредоточились на гребнях скал и имели возможность поражать даже лежащие мишени.

Гауптштурмфюрер отдал приказ: сбросить противника со скал! Эсэсовцы безропотно пошли в атаку, половина полегла под проливным огнем, остальные откатились назад. Горман сорвал голос, но продолжал кричать – и докричался: его бездыханное тело осталось в канаве водостока.

Эсэсовцы дрогнули, стали отходить. Из Абервельда прибыла подмога – два грузовика с солдатами вермахта. Режим секретности уже не играл никакой роли.

Пехотинцы имели ручные гранатометы «Панцерфауст». Позиции десантников заволоч густой дым. Взвод Кузнецова нес потери, но держался. Старший лейтенант мрачно шутил: «Как в Сталинграде, черт возьми, ни шагу назад!»

Несколько раз противник бросался в атаку и отходил. Горстка десантников зубами вцепилась в клочок каменистой земли. Противник потерял не меньше тридцати человек и уже начинал понимать, что дорога на север ему заказана. Попытки обойти десантников не увенчались успехом.

Пехота отступила, грузовики с ценным грузом развернулись и покатали обратно в город. Сил для прорыва уже не было.

Гарнизон Абервельда был небольшой, силы требовались для защиты города. И майор Клаустерманн, возглавлявший оборону, принял смелое решение: послать «параллельное» ведомство к чертовой матери! Почему его люди должны умирать за секреты СС? Пусть сами ищут выход из создавшейся ситуации.

Колонна отступила, вырваться другой дорогой даже не пыталась – иначе бы ее засекли. Да и не так уж много было выездов из города.

У старшего лейтенанта Кузнецова в строю осталось двенадцать бойцов. Скончались двое раненых. Командир принял решение сменить позицию. Парашютисты отступили на север, метров через пятьсот заняли новую позицию, установили пулеметы. Проезжую часть заминировали радиоуправляемыми фугасами и стали ждать.

Остаток дня и ночь прошли спокойно. Прошел еще один день. По радиии сообщили: «Вена наша! Войска продолжают наступление!»

Но вокруг Абервельда образовался какой-то вакуум – островок спокойствия среди хаоса войны. Наутро загрохотала канонада – на юге шел бой. Гремели взрывы. По дороге из Абервельда потянулись беженцы, проехала санитарная машина, забитая ранеными. Этим людям парашютисты не препятствовали. Колонна с грузом не появлялась – даже разбитая на части. Воинские подразделения Абервельд не покидали – сражались до последнего за своего бесноватого фюрера...

К полудню 14 апреля сопротивление на южных подступах к городу было сломлено. Разбитые подразделения уходили в город. Абервельд был компактным поселением, занимал площадь в шесть квадратных километров. Мобильные подразделения на полуторках зашли с флангов, перекрыли северные предместья, окончательно замкнув кольцо.

Городок был нарядный, из орудий по зданиям не стреляли – да и надобность такая отсутствовала. Отходящие немцы вели беспорядочный огонь, разбегаясь по улицам. Эсэсовцев среди защитников не осталось, сопротивление потеряло смысл. В плен сдавались не массово, большинство все же надеялось сбежать. Солдаты бросали оружие, прятались в домах. Кто-то переодевался в гражданское платье, надеясь раствориться в массе мирных жителей...

Городские улицы прочесывали передовые подразделения. Хлопали выстрелы, истошно голосила женщина. Автоматчики с красными звездами на шапках выгоняли на улицу безоружных фрицев, те садились на колени, поднимали руки. В город с южного предместья вошла колонна бронетехники. Лязгали траками танки «Т-34», тяжелые «ИС» и «КВ».

Улица Фельдбергассе пересекала западную часть городка, тянулась к северной окраине. Войска спешили покинуть город, направлялись на Гуфштадт. Двухтонные «ГАЗ-ААА» и американские «Студебеккеры» тянули штурмовые орудия. Полуторки везли полевые кухни и личный состав. Пехотинцы двигались по дороге пешим строем – отдувались, с любопытством глазили по сторонам.

Весна была в разгаре, светило солнце. Идеальные плюс пятнадцать (а на солнце и того больше), бодрящий ветерок. На деревьях и кустарниках распускались почки. Переход на летнюю форму еще не объявили, но шинели у большинства бойцов были скатаны, висели через плечо.

Голова колонны преодолела предместье, втянулась в город. Населенный пункт фактически зачистили. Автоматчики сгоняли в кучи пленных – бледные солдаты вермахта тоскливо смотрели на проходящие мимо советские танки. Из пешеходных колонн доносились язвительные выкрики, бойцы показывали немцам неприличные жесты. Где та Красная армия, которую можно было безнаказанно гнать на восток в 41-м?

Группа сотрудников контрразведки 38-го стрелкового корпуса передвигалась вместе с колонной. Пока их маршруты совпадали. Два «ГАЗ-67», имевшие весьма боевой (то есть побитый) вид, пристроились за грузовиком с пехотой. За «газиками» шел фургон, напоминающий будку, – служба радиопеленгации. За фургоном полуторка с автоматчиками лейтенанта Маркуши – бойцы были приданы оперативной группе и подчинялись ее начальнику, майору Гордину.

Майор сидел рядом с водителем внедорожника, рассматривал карту у себя на коленях. Иногда поднимал глаза, фиксируя необычные виды, потом опять утыкался в карту. Наконец аккуратно сложил ее и втиснул в кожаный планшет.

Майору недавно исполнилось тридцать три, он был сравнительно высок, поджар, имел правильные черты лица, с которого не сходила нахмуренность. Андрей Гордин второй месяц возглавлял оперативный отдел контрразведки 38-го корпуса 9-й Гвардейской армии и уже мог похвастаться парой легких ранений, несколькими обезвреженными диверсионными группами и рядом нейтрализованных шпионов (не всех, к сожалению, удалось взять живыми).

Текущее задание откровенно раздражало. Сведения были скудные, круг вовлеченных лиц не уточнялся, площадь поиска приличная. И слишком туманно выглядел объект охоты. Он считался важным – не зря же так усилили группу: в подчинении майора, помимо радиотехников и автоматчиков, находились шесть оперативных работников: трое сидели в головной машине, остальные – в ведомой.

– Во дают, – присвистнул сидящий за баранкой молодой лейтенант Несмелов – в меру смысленный, имеющий дурное обыкновение улыбаться даже там, где не надо. Объектом внимания стали два бойца отнюдь не богатырского сложения. Они выгнали из подворотни десяток безоружных немецких солдат. Пленные спотыкались, тянули вверх руки – словно к гимнастическому турнику, пугливо косились через плечо. Эти двое напоминали пастушков, усмирявших непокорное стадо. Немцы сбились в кучу, что-то лопотали, а наши бойцы орал на них, заставляя сесть и заткнуться.

Рассмеялись Булычев и Свечников, сидящие сзади.

– Ну и куда нам столько пленных, товарищ майор? – недоумевал Несмелов. – Их же поить-кормить надо, где-то содержать, людей выделять на охрану.

– Пусть будут, – проворчал Гордин, – Не твоя забота, лейтенант. Пусть у пехотного начальства голова болит.

Колеса постучали по старинной брусчатке. Мимо проплывали невысокие двухэтажные дома с причудливой архитектурой. Острровершие крыши, многие из них имели по четыре ската, балконы, увитые пока еще голыми вьюнами. Здания не отличались размерами, имели окна с белыми обводами. Кое-где в горшках уже распускались цветы.

Ближе к центру этажность подрастала – появлялись трех- и четырехэтажные дома. Здесь традиционно использовался стиль фахверк – когда опорные конструкции установлены снаружи, а не внутри здания. Мирные жители выглядывали из окон, прятались за занавесками. Выходили самые решительные, мялись у дверей. Советские пехотинцы дружелюбно махали им руками. За западной окраиной возвышались холмы, практически горы – покатые, сверху донизу обросшие растительностью.

– Эх, Альпы, вот вы какие... – с подозрительной мечтательностью выдал Несмелов.

– Это не Альпы, товарищи невежды, – покосился на него Гордин, – Альпы в Австрии – это Тирольская область, еще какие-то дальше, на запад.

– А здесь что? – спросил широкий в кости обладатель обманчиво добродушного лица – старший лейтенант Свечников.

– А здесь ничего, – пожал плечами майор, провожая взглядом остроконечный шпиль католической церкви, – просто Нижняя Австрия. На востоке Словакия, на севере Богемия – обе рядом, километрах в пятидесяти. В Европе все рядом, это вам не Сибирь-магушка.

– И не Урал-батюшка, – хмыкнул Несмелов. – А чего австриячки-то такие страшные, а, товарищ майор? Вы только посмотрите, лучше бы дома сидели, не высовывались...

– Это ты еще немок не видел, – улыбнулся Андрей.

Хохотнул старший лейтенант Саня Булычев – малосимпатичный, с корявым, усыпанным оспинами лицом, – любитель ворчать и все подвергать сомнению.

– А вы их видели, товарищ майор? – спросил Булычев. У него и голос был корявый – надтреснутый, пугающий. – И где вы их, интересно, могли видеть?

– Под Варшавой, боец, – объяснил Андрей. – И в самой Варшаве, не все тогда уехали. Этнических немцев в Польше предостаточно. Фольксдойче их называют. Большинство, конечно, дали деру, когда германец побежал, но многие остались, некуда им было бежать. Да и не больно-то они привечали фашистский режим... В общем, наши женщины красивее, спору нет, и это еще мягко сказано.

– Разберемся, – хмыкнул Свечников. – Кстати, товарищ майор, нас еще не ввели в курс дела. Сведения поверхностные. Что конкретно мы ищем в этом городе? А вдруг вас убьют, что тогда? Сами-то не узнаем.

– Ну, спасибо, Валентин, – Гордин чуть не поперхнулся. – Простой ты парень – как три копейки. Не скажу – а то вам будет неинтересно. Ладно, скажу, но не сейчас.

Он сам владел лишь общими сведениями. В окрестностях Абервельда с 1940 года работала секретная фабрика по производству фальшивок: печатала фунты стерлингов, рубли, ценные бумаги, фальшивые документы – и качество их было такое, что они ничем не отличались от настоящих. Фальшивки имели настоящие водяные знаки, были изготовлены из настоящей бумаги, и производилось все это в промышленных масштабах. Четыре года именно здесь выпускали продукцию, способную подорвать экономику любого развитого государства. И если это не удалось, то исключительно благодаря трудностям сбыта. Предприятие работало в режиме секретности, охранялось подразделением СС и многочисленными людьми в штатском. По данным, поступавшим от осведомленных лиц, оборудование демонтировали, попытались вывезти, но не смогли – советский десант перекрыл дорогу. Где теперь это добро? Ясно, что поблизости, больше нигде. Но где именно? СС до последнего дня охраняло гостайну, и трудились там люди с воображением. Где именно работала типография – неизвестно, подобраться к ней разведчики так и не смогли. Но о том, что объект в Абервельде, знали точно. Начальство требовало его найти – любой ценой и в кратчайшие сроки. При этом отсутствовали зацепки, и гарантировалось упорное сопротивление немцев.

– Да, симпатичная страна, – выразил свое мнение Несмелов. – Это так, если отвлечься. Природа красивая, домики забавные, воздух какой-то необычный, даже в Венгрии он был не такой...

– И Гитлер родом из Австрии, – в тон ему продолжил Гордин. – Есть в этой маленькой стране такой городок, Райнсхофен называется.

– Серьезно? – смутился Несмелов. – Не знал. Тогда виноват, товарищ майор, беру свои слова обратно. Отвратительная страна, и воздух здесь поганый...

Офицеры сдержанно посмеялись.

Колонна тянулась черепахой, но половину городка уже прошли. До боковой улицы Вензайле, где дорожки оперативников и наступающей армии расходились, остался один квартал.

Гордин привстал, посмотрел назад. Второй «газик» не отставал. За рулем сидел лейтенант Олег Романчук – статный, привлекательный парень, грамотный сотрудник, но тот еще ловелас и дамский угодник. Обнаружив впереди себя строгий командирский взгляд, Романчук перестал подмигивать местным кралям и сделал важное лицо.

Рядом с ним сидел капитан Алексей Зинченко и настороженно смотрел на мир из-под косматых бровей. В любой ситуации он сохранял серьезность и выдержку. Чувством юмора природа его не обделила, но пользовался им Алексей редко.

На заднем сиденье, как король на именинах, развалился лейтенант Яша Лапчик – неприлично молодой, невысокий, ушастый, с доверчивым детским лицом. Качествами, чуждыми оперативнику – жалостью, доверчивостью, сочувствием к врагу, – Яша не страдал, а располагающую внешность и богатую мимику использовал в основном по делу. Расположить к себе любого человека для Якова не составляло труда.

Впереди раздались выстрелы, колонна встала. Несмелов зазевался, опоздал с тормозом и чуть не протаранил бампер передней полуторки.

Прогремел взрыв, заработал танковый пулемет. Солдаты посыпались через борт грузовика, побежали в дым. Непримириемых в этом городе было мало, но все же парочка нашлась. Колонну обстреляли из гранатометов. Серьезного ущерба не причинили, но движение застыло. Застучали вразнобой ППШ. Дернулся Несмелов, собрался бежать – автомат находился между коленями. Андрей схватил его за рукав.

– Куда?! Забыл, где твой шесток?

Сильно раздражало, когда кто-то рвался выполнять не свою работу. Хорошую поговорку придумали про сапожника и пирожника. Несмелов опомнился, откинулся на спинку сиденья. Дошло наконец-то: убьют дурака – с кем товарищ майор будет биться за успех своего мероприятия?

Остальные сохраняли спокойствие, только ближе подтянули автоматы. Яша Лапчик продолжал заразительно зевать.

Из кабины фургона высунулся лейтенант Гусев, начальник радиотехнической группы, повертел головой, поморгал и спрятался. Этот точно в бой не полезет – да и кто его пустит, с его-то головой, забитой такими важными знаниями?

Колонна простояла минуты три. Красноармейцы извлекли из-под ограды двух бледных, как смерть, фрицев, провели краткое совещание: сразу прикончить или дать еще пожить? Кто-то засмеялся: с такого расстояния надо суметь промазать! В инциденте никто не пострадал, поэтому суровое наказание не вынесли, погнало пленных в общую кучу.

– Мужики, без нас не воюйте! Скоро догоним!

Колонна со скрипом двинулась дальше. У водителя будки заглух мотор. Он долго громко выражался, насиловал стартер, выслушивая ругательства лейтенанта Гусева. Потом выскочил из кабины, побежал заводить машину с толкача. Встал следующий за ним грузовик с бойцами Маркуши. Брешь в колонне мгновенно заполнили пикапы «ГАЗ-4», перевозящие боеприпасы.

Андрей поморщился – ладно, догонят, не маленькие. Маркуша знает, куда ехать. Он откинулся на сиденье, закрыл глаза – и сразу пожалел об этом. В ушах возник протяжный вой падающей мины, застонали раненые, потянул к нему обрубок руки посеченный осколками капитан Гапуров... Покоя на войне не было, переживания наваливались всякий раз, когда майор пытался отдохнуть. Приятных воспоминаний почему-то не возникало.

Андрей открыл глаза, перевел дыхание. Мимо проплыло трехэтажное здание песочного цвета с черепичной крышей. Оконные проемы первого этажа превратились в труху. Немцы пытались здесь закрепиться, их уничтожили кинжальным огнем из станкового пулемета. Из окна свесился мертвец в пехотной форме. Каска слетела с головы, в светлых волосах запеклась кровь. Под фундаментом валялся использованный фаустпатрон.

Колонна невозмутимо проследовала мимо. Радиотехники и люди Маркуши порядочно отстали.

– Вправо давай, – бросил Гордин.

Несмелов завертел баранку, вписываясь в узкую улочку. Колонна двигалась дальше по Фельдбергассе. Романчук свернул за командиром. Остальные отстали. Вензайле оказалась предельно узкой, разъехаться двум машинам здесь было трудно. Но это была кратчайшая дорога к ратуше.

Над головами нависли покрашенные стены. Здесь стояли сравнительно высокие здания. Окна начинались с третьего этажа. Под колесами поскрипывала выщербленная брусчатка. Из здания вышла женщина средних лет в смешном берете, застыла, охваченная страхом – словно кролик, освещенный фарами. Несмелов притормозил, надавил на клаксон. Дама вышла из оцепенения, спряталась обратно в подъезд. Комментировать не стали – страхи местных жителей понятны.

Через сто метров улочка оборвалась, внедорожники выехали на безлюдную площадь. Продолжалась брусчатка – древняя, отшлифованная до блеска колесами и ногами.

Несмелов повернул влево – и словно в яму попали. Грохот колонны на Фельдбергассе стал глухим и невнятным. А когда водители по команде заглушили двигатели, тишина зазвела так, что голова с непривычки закружилась.

– Перекур, товарищ майор? – предположил Несмелов. – У вас такое лицо, словно мы заблудились.

– Да ладно, не тайга, – фыркнул в затылок Булычев.

– Перекур три минуты, – бросил Гордин. – Можете ноги размять.

Отпускная одобрительные замечания, оперативники выбрались из машин, стали осматриваться. Зашелкала зажигалка.

– Это главная площадь в городе, товарищ майор? – спросил Лапчик. – Слабовато как-то. Наша Красная площадь внушительнее будет.

– Нет, еще не приехали. Магистрат дальше. Понятия не имею, что это за площадь. Попробуем сориентироваться.

Главное административное здание, похоже, хорошо спрятали. Красная армия шла без остановки, в городе решили разместить лишь небольшой гарнизон. Площадь была компактной, чистой и, как и все в этой стране, смотрелась нарядно. «Кукольные» трехэтажные здания окружали мощный брусчаткой пятак. В центральной части возвышался ступенчатый постамент, его венчала клумба, к которой давно не прикасалась рука садовника. Крыши строений имели причудливые очертания – словно спаренные остроконечные башенки. Стены и балконы оплетали стебли вьюнов. Здания стояли плотно, практически без просветов, каждое строение имело собственный стиль.

– Красиво, черт возьми, – пробормотал впечатленный Романчук. – Забавные домики. А летом, когда все цветет, наверное, глаз не оторвать...

– Так, оставили при себе прилагательные в превосходной степени, – проворчал Гордин, – будьте внимательны, красота пока еще стреляет.

На северной стороне возвышалось опрятное здание со шпилем. К нему примыкали такие же «кукольные» домики. Но застройка в северной части была не сплошная – между зданиями имелись проезды. Туда, очевидно, и надо было направляться. Площадь не предназначалась для автомобильного движения, но ничто не мешало машинам проехать. В восточной части пятака пролегал аллея с молодыми вязами. Каждое дерево росло на своеобразной клумбе, обрамленной плиткой. Листва еще не распустилась, но уже зеленели почки, заплетались ветки. Каждое дерево имело несколько стволов, произрастающих из одного корня. Деревья заслоняли часть зданий, хотя и не служили полноценным экраном.

В юго-восточной части площади виднелся еще один переулок. Оттуда вышло отделение красноармейцев. Они держали автоматы наготове. Усатый сержант махнул рукой – бойцы рассыпались: часть пошла по площади, другие прижались к стенам, двинулись гуськом.

Город еще не прочесали, опасность обстрела существовала. Сержант заметил кучку офицеров, кивнул. Гордин махнул рукой: занимайтесь, товарищи. Бойцы прошли через площадь. Двое забежали в подъезд, быстро вернулись. Сержант что-то крикнул – еще трое устремились к зданию со шпилем, исчезли внутри – и тоже не задержались. Отделение растворилось в дальнем переулке. Эти люди физически не могли проверить каждый дом, проводили лишь поверхностный осмотр – другого от них и не требовали.

– По машинам, – скомандовал Гордин, – хватит курить.

– Смотрите, товарищ майор, там опять кто-то идет, – обнаружил капитан Зинченко. – Ого, да не один...

Офицеры насторожились. Здание на дальней стороне отчасти закрывали деревья. Незнакомцы вышли из единственного подъезда и бодрым шагом двинулись по тротуару. Сначала их было трое, потом догнал четвертый. Мужчины шли гуськом, явно спешили. Два «газика» и группу военных за деревьями они почему-то не заметили, но видели солдат, прочесывавших площадь. В этот подъезд подчиненные сержанта не заглядывали. Мужчины были в штатском – рослые, подтянутые, с видимой офицерской выправкой. Идущий впереди постоянно озирался, поторапливал остальных. По сторонам эти люди не смотрели, спешили в переулок. Замыкающий обронил шляпу, бросился ее ловить, потом надел на голову. Аллея оборвалась, знакомцы вышли на открытый участок.

Возникло напряжение, майор машинально потянулся к автомату. Процессия не сбавляла ход. Замыкающий обернулся – и просто не мог не заметить военнослужащих Красной армии! Он явно испугался, что-то бросил товарищам. Те ускорили шаг, не оглядывались.

– Всем укрыться за машинами, – приказал Гордин и крикнул по-немецки: – Господа, задержитесь на минуту! Стоять, вам сказано!

Нет, они не собирались стоять! У замыкавшего процессию распахнулись полы плаща, под ними показался автомат. Он ударил, не целясь, от живота. Молодое лицо покраснело от злости. Наши уже укрылись за машинами. Пули посыпались, отскакивая от отшлифованного камня, погнули бампер. Открыли огонь остальные – один из автомата, у других были «Люгеры».

Трое пустились наутек. Последний остался, стал пятиться, сверкая глазами, выщелкнул из автомата опустевший магазин. Оперативники поднялись, открыли дружный огонь по неприкрытой мишени. Подломились ноги, мужчина упал. Остальные уносились как зайцы. Явно военные люди и, судя по выправке, не рядовые. Они бежали к переулку.

Разве можно такое игнорировать?! Оперативники продолжали стрелять, повалили еще одного. Двое ворвались в переулок. «А ведь это СС, – мелькнула мысль. – Большая вероятность, что именно они! Офицеры вермахта уходили со своими солдатами, не стали бы прятаться, передеваться. Исключения бывают, но, как правило, именно так. А что может делать СС в этом городе? Только заниматься вопросами безопасности требуемого объекта!»

Ноги сами вынесли из-за машины, Андрей припустил наперерез, через площадь, промчался мимо мертвеца, перепрыгнул через второго – голубоглазый ариец в клетчатом пиджаке судорожно цеплялся за жизнь.

Майор вбежал в переулок, ударил очередь, ушел вбок – как чувствовал, что последует ответ. Предательский липкий страх, когда остаешься один на один с этими проклятыми пулями! Он выстрелил наугад, прыжками бросился обратно. Едва свернул за угол, водосточная труба на углу превратилась в решето.

– Командир, глупо! – злобно выкрикнул Зинченко. – Не лезь туда, сами закончим!

– Товарищ майор, не спешите умереть, мы без вас слепые и глухие! – выкрикнул возбужденный Несмелов.

Двое высунулись из-за угла, стали проводить огневую зачистку. Пули рикошетили от стен, звонко били стекла. В здании испуганно закричала женщина. Олег Романчук, качая «маятник», бросился в переулок – хорошо, что подвернулся фонарный столб. Он прижался к нему плечом, лицо позеленело, рука с ППШ повисла плетью. Пули застучали по металлической трубе, отскакивая во все стороны.

– Романчук, ты как? – крикнул Андрей.

– Не очень, товарищ майор! Неуютно тут... Столб тоньше, чем я!

Выжившие прятались за пилястрами, пятились, перебежали. У рослого здоровяка с холмой мордой кончились патроны, он отбросил бесполезное железо, выхватил «Парабеллум». Четвертый был ниже, прятался за широкой спиной товарища, экономно расходовал патроны. Он что-то крикнул здоровяку и прыжками кинулся на угол здания. Там виднелся проход. Споткнулся, но все-таки добежал, ушел за поворот.

Здоровяк отступал, но сдали нервы, припустил, пригнув голову. Оперативники выскочили из-за угла. Расстался с фонарным столбом лейтенант Романчук, вскинул автомат. Здоровяк споткнулся, покатился, обливаясь кровью, по брусчатке. Попадание было точным и не единственным. Выживший немец, не целясь, стрелял из-за угла. Шальные пули не кончались. Но и у этого субъекта иссякли патроны, отбросило затворную раму. Он пустился наутек, выбросив бесполезный пистолет.

– Эх, годы молодые! – задорно выкрикнул Несмелов, бросаясь в погоню, врезался плечом в стену, запутались ноги. С ревом идущего на таран штурмовика промчался старший лейтенант Свечников, вписался в поворот, затопал по проходу.

Когда остальные вбежали в узкий переулок, Свечников уже догнал немца – тот потянул ногу, бежал, прихрамывая. Старший лейтенант лихо провел подсечку, и немец разбил лицо о брусчатку. На нехватку мышечной массы Валентин не жаловался – схватил фашиста за шиворот, стал поднимать. Тот брыкался, шипел, давясь кровью. Это был мужчина средних лет с седым пробором. В глазах кипела ярость. Он разбил себе нос, выплевывал зубную крошку из разбитого рта. Валентин схватил его за ворот, прислонил к стене. Немец тяжело дышал, поедая глазами ненавистных русских.

– Молодец, Валентин, – похвалил Андрей.

– Да, в этом я хорош, – заулыбался Свечников, подмигивая Несмелову, – тот обиженно дул губы, держась за отбитое плечо.

Приступить к беседе не удалось – а она обещала стать такой продуктивной! Немец удивил – вдруг резко вырвался, отпуская крепкие ругательства в адрес проклятых большевиков, ударил Свечникова в живот. Валентин от неожиданности отпрянул, закашлялся. Остальные тоже удивились. Немец стал вырывать автомат у Булычева. Но за свою собственность старший лейтенант стоял горой. Он двинул немца в челюсть. А когда тот снова полез в драку, схватил за ворот и сильно толкнул. Саня перестарался, но он этого не хотел! Немец ударился о каменную стену затылком, треснула кость. Глаза фашиста остановились, он сполз по стене с приоткрытым ртом, волоча за собой кровавую дорожку, сел неловко – явно не жилец. Андрей пихнул его носком сапога – ради проверки. Безжизненное тело завалилось на бок. Тускло блеснули мертвые глаза.

– И зачем ты это сделал? – майор мрачно уставился на Булычева. Понабрали в свое время спортсменов в НКВД, до сих пор работают по принципу «сила есть – ума не надо».

– Ему-то что, не он же поймал этого гада... – простонал, разгибаясь, Свечников. – Булычев, ты бы сразу сказал, что убьешь, я не стал бы с ним возиться. Черт, как больно...

– Пни его, разрешаю, – хмыкнул Гордин. – Да не Булычева, хотя и его можно...

– Виноват, – смутился Булычев и опустил глаза. – А чего он бросился на меня, как ошпаренный...

– А вы его вечным дневальным назначьте, товарищ майор, – посоветовал Лапчик. – Лишь бы кулаками махать, головой вообще не думает.

– Сказал же, виноват, – процедил Булычев.

Андрей пристроился на корточках, вынул документ из внутреннего кармана убитого.

– Что пишут, товарищ майор? – оживился Несмелов.

– Штурмбанфюрер СС Отто Крайнер. Сотрудник венского управления СД и полиции безопасности... Очевидно, из Вены был откомандирован для обеспечения безопасности объекта... Эх, Саня, Саня, умеешь ты выбирать жертв. Выжил бы этот упырь – глядишь, упростили бы мы себе жизнь.

– Сам убил – сам пусть и оживляет, – подсказал Романчук.

– Да хватит издеваться! – взорвался Булычев. – Не хотел я, товарищ майор. Наказывайте, если хотите.

Переулок наполнился шумом – прибежали красноармейцы, до этого прочесывавшие площадь. Их встретили язвительным смехом – молодцы, товарищи, так держать! У въезда в переулок остановилась полуторка с бойцами Маркуши. Тоже весьма кстати подоспели.

– Товарищ майор, все в порядке? С кем вы тут воевали? – пробился через толпу Маркуша. Свою легкомысленную фамилию он никоим образом не оправдывал – имел убедительную, даже зловещую внешность благодаря пудовым кулакам и шраму под глазом. – Виноват,

товарищ майор, отстали. Панкратов заглох, не мог завести свою шарманку! Ждали, чтобы вклиниться в колонну...

– Все в порядке, что случилось, то случилось... – Гордин разогнул спину. – Эй, товарищ! – поманил он усатого сержанта, – поставьте в известность соответствующую службу, пусть уберут тела, пока они воздух не испортили. Это переодетые сотрудники СС и СД, разрешаю не церемониться. Тела обыскать, все, что у них есть, собрать в кучу и доставить в ратушу майору Гордину – это я.

– Виноват, товарищ майор, – насупился сержант. – А вы, собственно... кто? У нас свои задачи...

Демонстрация служебного удостоверения подействовала. Сержант подобрался, принимая уставной вид, лихо козырнул и поспешил скрыться с глаз.

– Маркуша, возвращай людей на площадь, – распорядился Гордин, – крайнее здание в юго-восточном углу, там единственный подъезд. Из него вышла эта компания. Окружить дом, все осмотреть. Проявлять осторожность, там мог остаться кто-то еще.

– Слушаюсь! Все назад! – Маркуша замахал руками, выгоняя своих людей из переулка.

Инцидент оставил неприятный осадок. Все живы, это прекрасно, но допрос кого-то из эсэсовцев мог решить хотя бы часть задачи. Гордин сомневался, что в этом заштатном городке у службы безопасности РСХА могли быть другие дела, помимо секретной типографии.

Офицеры неспешно вернулись на площадь. «Кёнерплац», – сообщала табличка на здании со шпилем. Подчиненные Маркуши осадили дом, в котором укрывались эсэсовцы, несколько человек забежали в подъезд.

Офицеры неторопливо дошли до аллеи, закурили, с любопытством осматриваясь. Свечников оправился от удара в живот, но дышал как-то опасно, прислушивался к позывам из организма.

– Так мы никогда не доедем, – справедливо подметил Лапчик. – Думаете, они кого-то оставили? Зачем?

Майор понятия не имел, что думать. Этот городок ему уже не нравился, а что будет дальше? Сотрудники отошли к деревьям, чтобы не мозолить глаза, разглядывали окна. В домах проживали люди, они тоже смотрели, боялись. Никто не выходил – инстинкт самосохранения у граждан Европы был весьма развит. И пропаганде Геббельса они доверяли (за неимением другой пропаганды).

В здании зашумели, затопали сапоги по лестнице. Бойцы вывели молодую стройную женщину в плаще и ботинках на каблуках. Она сопротивлялась, лицо побледнело. Женщину держали за локти, она норовила вырваться, частила что-то по-немецки. У нее были темные волосы с челкой, приятное, но несколько грубоватое лицо. Дама взмокла от волнения – бусинки пота блестели на лбу.

– Поймали, товарищ майор, – отчитался Маркуша. – Очень подозрительная особа. Вылитая шпионка.

– Шпионам смерть? – хмыкнул Несмелов, поедая глазами интересную фигуру.

– Воистину смерть, – согласился Яша Лапчик. – Согласен, подозрение налицо.

«И что в ней подозрительного?» – подумал Гордин. Даме было страшно, она кусала губы, кожа становилась пятнистой.

– Она была в той квартире, откуда бежали наши эсэсовцы? – спросил Гордин.

– Никак нет, – покачал головой Маркуша, – в доме всего шесть квартир – по две на этаже. Ряженые злодеи отсиживались на втором этаже, справа. Дверь осталась открытой, внутри беспорядок, остатки еды и шнапса, эсэсовская форма. Помещение не проветривали, вонь страшная. Соседняя квартира заперта, никто не отзывается. Там и нет, похоже, никого, на коврике перед дверью слой пыли. На первом этаже пожилые люди проживают, открыли, от страха тря-

сутся, мы все осмотрели – пусто. А эта дамочка из квартиры на третьем этаже вышла – дверь закрыла ключом, стала спускаться, а мы навстречу...

– В милиции служил, лейтенант?

– Было дело, товарищ майор, – признался Маркуша. – Грабежи, убийства, прочие уродства, оставшиеся от буржуазного строя. Как вы догадались?

– Так и тупой бы догадался, лейтенант...

Офицеры заулыбались. Маркуша смутился. Женщину продолжало трясти.

– Ну, и зачем ты ее привел? Сама бы спустилась. Только не говори, что показалась подозрительной.

– Да кто ее знает, товарищ майор, – развел руками бывший страж правопорядка. – Мы ее впервые видим, проживала рядом с тем зверьем. Пусть не виновата, но должна что-то знать.

– Забыли, фрау, посмотреть в окно, прежде чем покинуть квартиру? – мягко спросил Андрей на немецком языке. – У вас плохо со зрением? Не видели, что внизу солдаты и офицеры в незнакомой форме? Любой нормальный человек в такой ситуации предпочел бы остаться дома. Вы спешите? Хотите сообщить нам что-то важное? Или все же фройляйн?

«Заигрываешь?» – поразился он нелепой мысли. Красноармейцы отпустили даму, она стояла, нервно потирая худые пальцы, и готова была провалиться сквозь землю от такого внимания к своей персоне!

– Так, всем разойтись! – скомандовал Гордин. – Продолжать осмотр местности! Скоро поедем!

– Послушайте, я ни в чем не виновна... – взволнованно заговорила женщина. – Меня зовут Микаэла Шварцен, я много лет живу в этом доме на Кёнерплац, в пятой квартире на последнем этаже... Возможно, я не посмотрела в окно, слышала выстрелы, но решила, что это далеко... Мне очень нужно идти, я спешу к отцу, я должна быть с ним... – барышня захлебывалась от волнения, на лбу и в уголках рта образовались досадные морщинки. – Поверьте, я ничего не сделала, могу показать свои документы, они всегда со мной в сумочке... Вот ключи, проверьте квартиру, она пустая, там никого не было, кроме меня...

– У вас нет ни мужа, ни детей? «Очевидно, все же фройляйн», – подумал Гордин.

– У меня нет детей... Была замужем, но мы расстались с мужем три года назад, он уехал к своим родителям во Франкфурт... У Томаса плохое зрение, его не взяли в армию... Отпустите меня, я спешу к отцу, он должен быть на работе...

– И кто у нас отец?

– Мой папа – бургомистр Абервельда, его зовут Рудольф Шварцен... мы потеряли маму несколько лет назад, она скончалась от острой легочной инфекции... Папа живет на улице Вейгассе, у него молодая жена, с которой я стараюсь не встречаться...

Гордин чуть не присвистнул – ничего себе! Встреча с местным бургомистром в его планы не входила. Но этот человек, конечно, кристально честен, служит только обществу, его избравшему, с преступным режимом не сотрудничал...

– Поверьте, мой отец не имеет ничего общего с нацистскими властями и партией НСДАП... – стала уверять женщина. Андрей сдержал улыбку.

– Ого, товарищ майор, – прокомментировал Яша Лапчик, также знакомый с немецким языком. Он стоял в стороне и прислушивался к страстному монологу. – С ходу заводим полезные знакомства? Готовый путеводитель по здешним управленческим структурам. Если этот путеводитель не замазан, конечно, по уши...

– Помолчи, – перебил Гордин. – Фройляйн Шварцен, дайте, пожалуйста, ключи от вашей квартиры. Не волнуйтесь, ваши ценные вещи не пропадут. Наши люди просто ее осмотрят.

Женщина помялась, но достала из сумочки ключи. Проинструктированные Зинченко и Несмелов удалились, получив приказ осмотреть и нижнюю квартиру. И не задерживаться! Женщина успокоилась, но продолжала глядеть с опаской. Окружающие потеряли к ней инте-

рес, разбрелись по площади. С улицы Фельдбергассе доносился невнятный гул – колонна не кончалась, войска спешили на север.

– Работаете в ратуше, Микаэла? – Андрей сменил тон на сравнительно миролюбивый. Женщина посмотрела на него настороженно. Если она не врала, то ее опасения имели основания. Городской глава не мог не иметь связей с нацистами, иначе никакой он не городской глава. Замазан в любом случае. Вопрос лишь, больше или меньше. Впрочем, если не сбежал, зная, что нагрешил...

– Нет, я работаю в школе. Преподаю биологию и анатомию. Но сейчас занятий нет, неделю назад был приказ закрыть все городские образовательные заведения. Дети должны сидеть дома и никуда не выходить. Так что временно я безработная. Никто не знает, что будет дальше. Дети ведь ни в чем не виноваты...

– За детей не волнуйтесь, безграмотными не вырастут. Скоро наведем порядок, начнется спокойная жизнь. Не стоит переживать, Микаэла, русские не такие ужасные, как вам наговорили. Не будет Красная армия уничтожать Европу. И рога у нас не растут, и огнеметы из глаз не торчат.

– Да, я вижу... – Микаэла шумно выдохнула, осмелела. – Вы похожи на нормальных людей...

Андрей засмеялся.

– Наши дороги сегодня совпали, Микаэла, мы тоже направляемся в ваш магистрат. Предлагаю еще одно испытание на храбрость – сесть в нашу машину и доехать вместе с нами до рабочего места вашего отца. Если выдержите, вам уже ничто не будет страшно.

– Хорошо, я согласна... – Микаэла замялась. Она пыталась улыбаться, но улыбка превращалась в траурную гримасу. – Вы же ничего не сделаете нашей семье? И другим людям... В городском самоуправлении много хороших людей, они не работали на нацистов...

«Все работали на нацистов...» – Андрей прикусил язык – не стоило раньше времени срывать.

– Могу обещать лишь одно, Микаэла, – безвинные не пострадают. Мелкие грехи можно искупить плодотворным сотрудничеством. Нам потребуется помощь, и мы очень на нее рассчитываем.

– А вы... – Микаэла замялась, боясь спрашивать.

– Военная контрразведка. – Андрей зачем-то показал удостоверение, где золотом по красному было грозно выделено «НКО ГУКР СМЕРШ». – Не волнуйтесь, мы не черти с хвостами.

Он хотел добавить: «Пережили гестапо – переживете и это», но сжалился над испуганной гражданкой. Не факт, что население это переживет. Террор и запугивание – удел других. В функции оперативного отдела входили конкретные задачи, направленные на выявление реального врага.

Микаэла побледнела и снова заволновалась. Зинченко с Несмеловым еще не вернулись.

– Позвольте вопрос, фройляйн Шварцен, – Гордин перешел на официальный тон. – В квартире под вами отсиживались несколько переодетых офицеров СС. Об их причастности к преступлениям лучше промолчим – есть вещи, не требующие доказательств. Что вы об этом знаете?

– Я, кажется, видела одного... – Микаэла поежилась. – Вчера вечером ходила за хлебом. Мужчина в форме СС входил в квартиру фрау Гёсс... Он посмотрел на меня, у него был очень неприятный взгляд... Муж фрау Гёсс работал в полиции, но он пропал две недели назад. Ходили слухи, что герра Гёсса и многих его подчиненных отправили в Вену для участия в обороне. Через неделю после этого фрау Гёсс села в машину, у нее было несколько чемоданов, и я не успела с ней поговорить. Фрау Гёсс, кажется, плакала... Она не вернулась, квартира стояла пустой.

– Вы слышали, о чем говорят эти люди?

– Почти ничего, мне было очень страшно... В этих домах толстые стены... Они почти не шумели, только однажды разбилась бутылка, и они кричали. У кого-то из них сдали нервы. Я проснулась ночью, а он кричал: «Где Гельмут, черт возьми? Русские скоро будут здесь, мы попадем в ловушку!» Они ждали своего товарища, не могли уйти без него. Уже было утро, когда внизу хлопнула дверь, и эти люди возбудились: «Гельмут, почему так долго? Русские уже пришли!» Не знаю почему, но меня парализовало от страха... Они суетились, потом ушли, а я еще несколько минут не могла пошевелиться. Потом стреляли, потом все стихло, я стала быстро собираться... Эти люди живы? – Микаэла нашла в себе силы посмотреть в глаза советскому майору.

– Не уверен, – уклонился от прямого ответа Гордин. – Не волнуйтесь, больше они вас не потревожат.

Андрей задумался. Видимо, с этим и связана задержка. Эсэсовцы ждали своего, а когда, наконец, собрались, русские уже вошли в город.

Вернулись Зинченко и Несмелов.

– Вы что там, кофе пили? – выразил недовольство Гордин.

– Никак нет, командир, – хмыкнул Зинченко. – Но соблазн, если честно, был. В квартире наверху действительно проживает женщина. Мужского присутствия не замечено. Женская одежда, всякие бабские штучки, кружевные салфетки и занавески. Много литературы, какие-то журналы, тетрадки. Мы в языках не сильны, но картинки посмотрели – что-то специфическое, с внутренностями связано. В квартире, где отсиживались убитые, тоже ничего интересного, потом пахнет, все разбросано, остатки еды. Похоже, не врет наша дамочка. Кому-то сегодня очень повезло, – Зинченко не удержался от ехидной ухмылки. Микаэла не понимала, что он говорит; она опять побледнела, было ощущение, что она хочет схватить майора за руку.

– Понятно, – кивнул Андрей. – Пожелание на будущее, товарищи офицеры – местных без необходимости не пугать. Пусть даже зубы сводит, как хочется. Уяснили? Без помощи гражданских нам не справиться. По коням, товарищи! Ну что, фройляйн Шварцен, – повернулся он к женщине, – сопроводите нас в ваш магистрат, ратушу, или как там это у вас называется?

– Горисполком по-нашему, – прыснул Лапчик. – Или горсовет, или все вместе.

– Начинаем штурм цитадели, товарищ майор? – заулыбался Несмелов.

Глава вторая

Магистрат и ратуша располагались в одном здании на Брунерштрассе, в трех минутах езды на север от Кёнерплац. Здесь застройка уплотнялась, но открытых мест хватало – перед ратушей простирался нарядный, хотя и заброшенный сквер. За зданием местного самоуправления громоздились дома в стиле фахверк. Органы власти в лучшие времена не бедствовали: строение было внушительное, с балконами и пилястрами, имело переменную этажность, сложную архитектуру. Над фасадом в верхней части здания висели часы, а на башенке красовалась колокольня – верный признак былого благополучия.

У входа стояли полуторки – здесь уже хозяйничали красноармейцы. По плану командования в Абервельде должны были остаться два взвода. Приступала к работе комендатура. Позднее ожидалось прибытие подразделения НКВД. В городе уже не стреляли.

Красноармейцы осматривали помещения, выводили в холл сотрудников, рискнувших выйти на работу. Бойцы не зверствовали, хотя особо и не церемонились.

– Капитан Волынцев, Александр Петрович, – козырнул подтянутый офицер с посеребрёнными сединой висками. – Назначен возглавить комендатуру в этом городе. У меня шестьдесят бойцов, четыре офицера, одна полевая кухня, гм... Будем соседями, товарищ майор.

Удостоверение Гордина капитан уже изучил и вряд ли сильно обрадовался. Но, с другой стороны, дополнительные силы в городе – тоже неплохо. Радисты, опергруппа, девятнадцать штыков у лейтенанта Маркуши...

– Я должен что-то знать о вашей работе, товарищ майор? Вас же не в отпуск прислали?

– Появится нужда – будут и подробности, капитан. Просьба не мешать. А попрошу о содействии – уж не откажите. Вам же не требуется письменный приказ от моего начальства? Вот и хорошо. Убедительная просьба не третировать местное население и органы власти. Одиозные фигуры уже сбежали, остались те, кто считает себя незапятнанным. Возможны агенты и лазутчики – с этими будем разбираться. Останавливать работу магистрата не советую, иначе в городе начнется неразбериха, а нам это незачем. На случаи явного вредительства и саботажа, естественно, реагировать. Нам нужно спокойствие в городе, улавливаете мысль, Александр Петрович?

– Понимаю, Андрей Михайлович. Работа контрразведки требует тишины. Будем работать. – Комендант с интересом покосился на застывшую у машины Микаэлу, но воздержался от комментария. – Саперы уже осмотрели помещения, ловушек не нашли. Здание большое, места всем хватит. Комендатура будет здесь. Думаю, вам тоже стоит разместиться в этом здании. Оно основательное, из пушки не пробьешь, на окнах решетки... Нам проще охранять одно здание, чем весь квартал. Впрочем, сами решайте, мое дело предложить. Не буду вам мешать.

Зацокали каблучки – Микаэла побежала по каменным ступеням.

По помпезному холлу разносились бодрые русские матерки – красноармейцы затаскивали в здание громоздкий генератор. Нагадить при отступлении немцы успели – вывели из строя местную электростанцию.

Люди в штатском жались в углу холла, со страхом смотрели на происходящее. За ними присматривал автоматчик, хотя они и не думали разбежаться. Персонал чувствовал себя неуютно, многие уже простились с жизнью.

Микаэла бросилась к полному лысоватому господину в мешковатом двубортном костюме – тот облизывал губы, нервно мял руки. Увидев Микаэлу, подпрыгнул от радости, заключил в объятия. Бургомистр Рудольф Шварцен – несложно догадаться.

Микаэла что-то быстро ему говорила. Мужчина внимал, недоверчиво поглядывая на майора контрразведки. Микаэлу обступили другие люди, стали расспрашивать.

Сведений о городских делах контрразведка не имела, и это удручало. Требовались помощники из местных. Но любой местный мог оказаться врагом...

Люди Маркуши приступили к охранным функциям. Гордин проинструктировал лейтенанта Гусева: пара часов на отдых, присмотреться к обстановке. Задача радиотехников – отслеживать активность в эфире внутри города и в ближайших окрестностях. Любой выход в эфир с незнакомого передатчика – работа врага, другого быть не может.

Задача группы – патрулировать местность. Но только в сопровождении бойцов Маркуши, и – никакой самодеятельности.

В последующие полчаса опергруппа осмотрела здание. Оперативники восхищенно посвистывали, разглядывая высокие потолки с лепниной, антикварную мебель, богатые узорами ковровые покрытия. Обувь, разумеется, не снимали.

Здание состояло из северного и южного крыльев – в одном обосновалась исполнительная власть, в другом – законодательная. Во многих кабинетах царил беспорядок – шкафы распахнуты, ящики выдвинуты, разбросаны бумаги и канцелярские принадлежности. Картина знакомая, ничего нового. Бегущие немцы всегда оставляют после себя бардак, и не только военные. Искать какие-то секреты среди бумажных гор бесполезно – не то ведомство.

Здание обследовали быстро. Запутанных переходов здесь не было, все понятно. Бойцы проверили чердаки и подвалы, и там обошлось без сюрпризов.

Андрей облюбовал удобное помещение на втором этаже. Рядом смежная комната со столами и санузелом – как раз для личного состава. Подкупила подробная карта на стене – на ней были отмечены все улицы и дома. Хозяин кабинета пустился в бега – в помещении царил хаос, дверь сейфа нараспашку, внутри только голые полки.

Лейтенант Лапчик спустился в холл и объявил по-немецки, важно надувая губы:

– Господа! Минуточку внимания! Вам не сделают ничего плохого, надо лишь набраться терпения. С вами хотят поговорить представители советской военной контрразведки. Это не смертельно. Господин бургомистр, поднимитесь, пожалуйста, на второй этаж.

Господин Шварцен сильно волновался, беспрестанно вытирал потный лоб и выбрасывал салфетки в мусорную корзину. Образцом хладнокровия он явно не был. Бургомистр сел напротив майора, тяжело задышал.

– Не надо волноваться, господин Шварцен, – мягко сказал ему Гордин, – мы всего лишь хотим поговорить. Или вы чувствуете за собой вину? Вы являлись убежденным сторонником нацистского режима?

– Нет, что вы, я не являлся никаким сторонником, – возмущенно забормотал бургомистр. – Я никогда не любил НСДАП, не состоял в ней, хотя неоднократно получал предложения вступить в партию. Я никогда не любил СС и СД из-за их чрезмерно жестоких методов работы. Не любил Адольфа Гитлера – поверьте, его не любят очень многие, тем более австрийцы... Я горячо поддерживал заговорщиков фон Штауффенберга, которые собирались взорвать фюрера... Разумеется, я не мог публично высказывать свое мнение, к тому же заговор потерпел неудачу... Прошу понять, я руковожу гражданской администрацией, слежу за тем, чтобы исправно функционировало городское хозяйство...

– Охотно верю вам, герр Шварцен, – кивнул Андрей. – Уверен, что это именно вы, рискуя жизнью, спасали местных евреев, активно сотрудничали с антифашистским подпольем...

– Простите? – градоначальник заморгал. – Но в нашем городе не было антифашистского подполья...

– Ничуть не сомневаюсь, – улыбнулся Гордин. – Мне не нужна ваша кровь, господин Шварцен. Напротив, я хочу вам помочь, но и вы нам помогите. На вашу должность никто не покушается, можете продолжать руководить городом. Я познакомился с вашей дочерью, она произвела на меня положительное впечатление. Хочу надеяться, что оно не обманчиво. И

перестаньте трястись! – рассердился майор. – Это уже раздражает, герр градоначальник! Вы мужчина или нет?

– Простите, – Шварцен шумно выдохнул, – вы же понимаете, в какой ситуации я оказался...

– Вся Австрия оказалась в такой ситуации, – отрезал Гордин. – А скоро окажется и вся Германия, ставшая заложником одного клинического психа. Вы готовы сотрудничать с советскими органами?

– Да, конечно...

– Вы понимаете, что германская армия не вернется?

– Я этого даже не хочу, господин офицер... Жить во времена национал-социализма не очень радостно...

– Можете не объяснять это русскому человеку. Давайте уберем все источники раздражения и просто поговорим. Кто работал в этом кабинете?

– Здесь сидел господин Якоб Альбер, он занимался практическими вопросами работы полиции, а также был финансовым инспектором, через него проходили финансовые документы полицейского управления, пожарной охраны, местных женских и юношеских патриотических организаций...

«Неудивительно, что сбежал», – подумал Гордин.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Пару дней назад... Господин Альбер был сильно взвинчен, сидел как на иголках. Вчера я его точно не видел...

– Полагаю, он не единственный. Кто из ваших сотрудников остался? Я имею в виду тех, кто уполномочен принимать решения по городским делам.

– Таких немного, господин офицер... Это мой заместитель первый секретарь Максимилиан Шмидт, госпожа Лаура Штейнер – она занимает должность секретаря, ведает вопросами благоустройства и энергоснабжения... Также господин Арнольд Эггер, тоже секретарь, эксперт по городским коммуникациям... Остальные – их заместители и помощники, они не уполномочены, как вы говорите... Это Маркус Лейбниц, Анна Штарк...

– Хорошо, я понял. Какие военные или военизированные организации размещались в Абервельде?

– Здесь стояла рота солдат, был госпиталь для раненых офицеров – он работал при соборе Святой Катерины... Здание уголовной полиции – напротив, через сквер. Там же находился департамент СС, отдел полиции безопасности и СД, в нем главенствовал штандартенфюрер Холлендорф... Мы не пересекались с этими структурами, только несколько раз получали от них заказ на строительство и ремонт дорог, на возведение складских строений на Маленграссе... Эти здания опустели еще вчера. Мы отправили туда посыльного после того, как не смогли найти господина Альбера, и он увидел пустые здания... Они были совершенно пустые, все ценное вывезли. На заднем дворе остались следы большого костра – не знаю, что там жгли...

– То есть они ушли по-английски, не прощаясь?

– Да, наверное, – градоначальник вымучил жалкую улыбку. – И знаете, господин офицер, мы несколько не жалеем, что их нет с нами.

– Убежден в этом. – Андрею не хотелось погружаться в чрезмерную иронию. – Что вы знаете о секретном объекте, работавшем в городе под эгидой СС и СД?

– О каком объекте? – Шварцен заморгал, и поддурмявившиеся было щеки снова побледнели. – Мы не имели дела ни с какими секретными объектами... Как я могу о них знать, если они... секретные?

– Не надо лукавить, господин Шварцен. Объект секретный, посторонних не пускали, но чины СС, его охранявшие, не такие уж секретные. О наличии в маленьком городе засекре-

ченного объекта городские власти обязаны знать. Другое дело, что вас туда не пускали. Итак, давайте начнем заново, господин Шварцен. Это небольшая производственная база, включающая один или два цеха, склады, коммуникации, подъездные пути, специально оборудованное караульное помещение. А также колючая проволока и таблички угрожающего содержания. Не исключаю, что были собаки. Я доходчиво описал? В данный момент объект, разумеется, не работает, его эвакуировали – о чем вы также могли быть в курсе. Слушаю вас внимательно. Если вспомните похожие объекты – называйте, разберемся. Итак, координаты? Улица, номер строения?

Градоначальник бормотал что-то бессвязное, то бледнел, то делался пунцовым, как помидор. Нет, он не может ничего сообщить господину офицеру. Возможно, вас интересуют военные склады на Баннермаркт? Или городская тюрьма, расположенная в глубине квартала за зданием полиции? Есть еще типография, где до войны печатали местные газеты – в годы войны ее переоборудовали под производство агитационных материалов, закрыли два месяца назад, помещения стоят пустые – ничего секретного, туда может зайти любой...

Этот детский лепет начинал раздражать. Но угрожать сверх меры не хотелось. Убежденным нацистом этот жалкий человек, безусловно, не был. Мог что-то знать, но боялся за свою жизнь.

Гордин смотрел на него с тоской, боясь пережать. Мог ли господин Шварцен ничего не знать? Теоретически – да, отвечали за взаимодействие с СС другие люди. Но ведь там энерго-снабжение, канализация, водопровод, они питались из городских систем.

«Дать ему второй шанс?» – задумался майор.

Секретная типография существовала в черте города. Ей хватило бы и большого подвала. Но что находилось над этим подвалом? Своих людей советская разведка в Абервельде не держала. Агент был в Вене, знал о существовании типографии, имел сведения об объемах и номенклатуре производимой продукции, куда и когда она направляется. Но о месте нахождения объекта агент сведений не имел. Считалось, что это неважно – несложно в маленьком городке найти объект. И вот дошло до дела. И где он?

Вчера вечером Гордин беседовал с лейтенантом Кузнецовым – командиром парашютного диверсионного взвода. Лейтенант потерял половину людей, пресекая попытки гитлеровцев вывезти типографию. Это был тот самый объект – загруженный в автотранспорт. Два двухтонных грузовика – не так уж и много. Вывозили самое ценное (включая продукцию), остальное могли бросить.

Парашютисты встали непробиваемой стеной, колонна вернулась в город. Других дорог здесь нет. На востоке – скалы и тупик, на западе – смертельная опасность в виде обходного маневра советских войск.

Оборудование точно спрятали в Абервельде. На старом месте? Маловероятно, но в принципе могли – от отчаяния. Скорее всего, был запасной план – груз спрятали в надежном месте. И что теперь – ходить по людям и спрашивать, не видел ли кто вернувшуюся в город колонну? «А ведь вариант, – он мысленно усмехнулся, – колонна не пачка сигарет, в городе ее кто-то обязательно видел...»

Имело ли смысл с таким упорством искать типографию? Вероятность, что туда вернули груз, ничтожная.

– Хорошо, не буду вас торопить, господин Шварцен, – миролюбиво сказал Гордин, – все хорошо обдумайте, и завтра мы с вами снова встретимся. Посоветуйтесь с дочерью, она вам плохого не подскажет.

– Я могу продолжать работу? – дрогнувшим голосом пролепетал градоначальник.

– Вы обязаны продолжать работу. Кто еще, если не вы? Работайте в прежнем режиме, привлекайте оставшихся сотрудников. Нужно восстановить энергоснабжение, успокоить жите-

лей – объяснить им, что жизнь продолжается. А если и будут перемены, то только в лучшую сторону. Больше нет тайной полиции, оголтелой пропаганды, репрессий и постоянного страха.

– И как долго я смогу работать? – градоначальник продолжал терзаться сомнениями.

– Без нареканий – будете работать, пока не появится администрация, избранная народом.

– Так я и был избран народом... – герр Шварцен облизнул пересохшие губы. – У нас выборы проходят в два этапа, раз в четыре года...

– Не морочьте мне голову, – отмахнулся Гордин. – Знаем мы прекрасно, что такое выборы в буржуазных государствах. Ступайте, трудитесь на благо города. И проследите, чтобы вашу дочь мы долго не искали – она может понадобиться. Не волнуйтесь, рядом с нами она в безопасности. Пригласите, если не трудно, вашего первого секретаря.

Герр Шварцен колом выкатился из кабинета. «Последить бы за ним», – подумал Гордин, гипнотизируя закрывшуюся дверь.

Лица сменялись, как стекла в калейдоскопе. Они были разные, но объединяло их одно – страх. Не самые трусливые все же вышли на работу. Но все, что их обуревало, читалось как с листа. Возможно, это чей-то страх был несколько преувеличен.

Первый секретарь Максимилиан Шмидт был менее упитан, чем бургомистр, и выше ростом – видно, что не голодал. Он утирал блестящую лысину, с щенячьей преданностью смотрел майору в глаза. Да, он заместитель герра Шварцена, можно сказать, его правая рука, прижат к грузу ответственности за судьбу города, ежедневно и еженощно думает о том, как бы этот город не загнулся... Да, он общался с господином Альбером, но исключительно по работе – человек был неприятный, состоял в НСДАП – «а вы сами, господин военный, знаете, что это такое».

Все эти «соловьи» пели одну и ту же песню: ничего не знали, ни в чем не участвовали, нацистскую власть тихо недолюбливали, но открыто бунтовать не могли, поскольку разговор у нацистов с подобной публикой короткий.

– Мы гражданские люди, господин офицер, – уверял первый секретарь, – сугубо гражданские и ни в чем порочном не участвовали.

В городе работало гестапо, и любое инакомыслие, мягко говоря, не приветствовалось. Шмидт занимался торговыми поставками, тесно сотрудничал с депутатами ратуши в вопросах городского бюджета, решал вопросы жилого фонда и строительства. При новой власти, если будет позволено, готов заниматься тем же – без саботажа, без страха и упрека, и вообще, у него большая семья, больные дети, супруга с нездоровыми почками...

Тему секретных объектов в пределах городской черты эти господа тщательно обходили. Делали удивленные лица, бормотали, что ни о чем подобном не слышали.

Господин Арнольд Эггер вел себя спокойнее, сохранял подобие выдержки. Но вытянутое бледное лицо говорило за себя: отпустите, господа, дайте умереть спокойно! Он был долговязый, сутулый, с лица не сходила скорбная библейская мина. Да, он занимается городскими коммуникациями, понимает в вентиляции, канализации и водопроводе, знает, как построить дорогу. Но господам из СС и СД он ничего не строил, разве что изредка выдавал разрешения на возведение того или иного объекта, но это чистая формальность – разве господам из СС и СД требуется чье-то разрешение? У них свои специалисты, свои эксперты – та же строительная организация Тодда, способная возвести любой объект в сжатые сроки и без всяких нареканий от заказчика. Нет, он сейчас не помнит, на какие объекты магистрат выдавал разрешения, – это было давно. Но можно посмотреть, поднять старую документацию. Уж будьте любезны, господин Эггер, посмотрите, если не хотите проблем с советской контрразведкой. И не позднее завтрашнего утра представьте полный отчет...

В этот момент выдержка господина Эггера отказала – он начал проявлять признаки волнения. Лицо осталось тем же, но ладони вспотели, он украдкой вытирал их о штаны, неспо-

пад тряс головой. Да, он все понял, завтра же вся документация будет готова и предоставлена новым властям...

Госпожа Лаура Штейнер, в отличие от прежних господ, выглядела прилично, даже улыбалась. Но улыбка ее была неестественной и замороженной. Ей было не больше сорока, широкая в кости, но вполне женственная, со всеми положенными формами. Правильное лицо, светлые глаза, белокурые волосы волнистыми каскадами стекали на плечи. В какой-то момент Гордин подумал, что женщина строит ему глазки. Это было невероятно – умирать от страха и одновременно заигрывать! Чиновница сидела с прямой спиной, скромно сложив руки на коленях, и отчитывалась, как школьница перед директором.

– У вас прекрасное знание немецкого языка, господин майор, – похвалила дама. – А вы точно... русский?

– Даже не сомневайтесь, – сухо улыбнулся Андрей. – Расскажите о своей работе, госпожа Штейнер. Только воздержитесь от сложных специальных терминов.

Последовал поток красноречия, из которого майор уловил, что заменить госпожу Штейнер абсолютно нечем. Ее служба занимается вопросами энергоснабжения, а заодно благоустройством городской территории, хотя эти вещи не больно-то связаны между собой. Но так сложилось исторически. Времени на отдых нет совершенно, она работает в магистрате до позднего вечера. А сейчас становится невероятно тяжело. В связи с известными событиями многие сотрудники не выходят на работу, и она не знает, где они! Кто-то покинул город и переехал к родственникам на север – можно подумать, те населенные пункты русская армия обойдет стороной! Но она предана своему городу, никуда отсюда не уедет, и если ей позволят, будет до конца выполнять свой гражданский долг. Контрразведка не возражала – работайте, фрау Штейнер. До поры до времени, так сказать. Но если будут отмечены попытки саботажа, то на милость не рассчитывайте. Госпожа Штейнер жарко уверяла, что оправдывает оказанное доверие и до конца останется с жителями родного города. Выслушав вопрос о семейном положении, она немного смутилась. В данный момент госпожа Штейнер не связана узами брака. Ее последний муж, майор артиллерии, бросил ее три года назад, забрал сына, увез его к своим родителям в Штутгарт, а сам отправился в действующую армию на Восточный фронт, где благополучно сгинул. Фрау Штейнер глубоко плевать на это. Она пыталась забрать сына, но встретила яростное сопротивление стариков и оставила попытки. Так что в данный момент она свободна и готова рассмотреть все предложения...

К таким заманчивым вещам майора контрразведки не готовили. Он продолжал задавать вопросы. Секретные объекты под эгидой СС? Фрау Штейнер задумалась. Нет, она хорошо осведомлена о городских делах, но ни с чем подобным не сталкивалась. Секретные службы рейха умело охраняли свои тайны. Но она может спрашивать у знающих людей – глядишь, и узнает пару сплетен...

За болтливостью и показной наивностью сквозил страх. Женщина что-то знала, нервничала – возможно, имела указание от кого-то отрицать очевидное до последнего. Все эти люди что-то знали – это не вызывало у майора сомнений.

– То есть вы не знаете ни о каких секретных предприятиях на территории вашего города? – с нажимом спросил Андрей. – Не контактировали с техническими службами СС, не выполняли заказы и подряды? И даже колючую проволоку с охранниками и собаками вы не замечали?

Дались ему эти охранники и колючая проволока! Объект мог иметь мирный и неброский вид, охрана – внутри, а снаружи достаточно наблюдателей в штатском. Объект мог функционировать под любой вывеской, а дураков идти туда любопытствовать надо еще поискать.

Фрау Штейнер продолжала отвечать общими фразами, уверяла, что может все выяснить, предлагала посмотреть на нее внимательно: она похожа на человека, которому германские спецслужбы доверяют свои тайны?

Она была похожа на испуганного человека, оказавшегося между двух огней. Но применять к ней суровые меры пока не хотелось. Город должен жить, раз уж Советская власть взяла над ним «шефство». Сведений не хватало, даже контрразведка имела смутное представление, что она ищет. Гордин выпроводил фрау Штейнер и задумался.

– Темные лошадки, товарищ майор? – высунулся из смежной комнаты лейтенант Лапчик. – Я слышал ваш разговор. У них же зубы стучат от страха, они что-то знают. Вопрос только что? Типографию мы найдем, это дело времени, но что это даст? Там наверняка уже голые стены и одно вспомогательное оборудование. А вот известно ли им о нынешнем местонахождении груза – вот это вопрос...

– Людишки такого ранга это знать не должны, – задумчиво произнес Гордин. – Но колонна вернулась, не сумев прорваться, и что происходило в этой суете и кто в чем осведомлен – вопрос интересный... Нужно контактировать с местными, вести себя учтиво – только так мы что-то вытянем.

Андрей подошел к карте, стал ее внимательно изучать. В город вели три дороги – с северного, южного и западного направлений. На востоке дорог не было, к городу вплотную подступала горно-скалистая местность, и населенные пункты в этой глуши отсутствовали. Колонна вышла из-под огня, вернулась в Абервельд... и что? Ответить на этот вопрос могли только местные жители – те, у кого под окнами прогрохотала колонна.

– Товарищ майор, тут местные пришли, – сунулся в дверь капитан Зинченко. – Уверяют, что антифашисты.

– Неужели? – проворчал Гордин. – Хочешь сказать, что на ловца и зверь бежит?

И снова незнакомые лица. Мужчина средних лет, довольно тщедушной комплекции, одетый в вязаную кофту и клетчатые штаны, представился Себастьяном Курцем, показал документы. У него были ровный прямой взгляд и размеренная речь. Он сообщил, что долго ждал прихода Красной армии и теперь готов сделать все, что в его силах. Он говорил о ненависти к режиму Гитлера, о том, что немцы и австрийцы вовсе не такие, просто мозги им засорила пропаганда Геббельса. Ему сорок восемь, работал на молочном заводе, в 1940 году был брошен нацистами в концлагерь под Варнау – слишком уж активно Курц выражал свою гражданскую позицию. В том же году он потерял семью, друзей, в концлагере пробыл год, после чего его отпустили – не за примерное поведение, а из-за того, что лагерной администрации потребовались свободные места. Ожидался наплыв заключенных с востока.

Публика в учреждении была разномастной: противники режима, уголовники, гомосексуалисты, проворовавшиеся чиновники. Кого-то расстреляли, других выпустили... С тех пор Себастьян Курц стал ярким противником режима. Жил в Вене, в Гуфштадте, в Абервельде, работал в подпольных ячейках, вызволял из беды евреев – делал все, что мог в окружающих его обстоятельствах. А теперь готов сотрудничать, выполнять любые приказы – если советскому командованию требуется помощь. Кается – в коммунистической партии не состоял, но всячески ей сочувствует.

– Спросите у людей, товарищ, – Себастьян Курц бесстрашно смотрел майору в глаза, – они расскажут, кто я такой. Последние полтора года жил на полуполюгальном положении, дважды пользовался поддельными документами – их производила подпольная типография в Гольдштау... Познакомьтесь, этих парней зовут Тобиас и Феликс, – представил он двух молодых людей, прибывших с ним. – Они убежденные антифашисты, я ручаюсь за них, как за самого себя. Феликс учился на медика в Вене, состоял в антивоенном подполье. А когда гестапо разгромило организацию, бежал в Абервельд и жил здесь по подложным документам. Тобиас местный, член коммунистической партии, один из немногих, кому посчастливилось выжить, работает электриком...

Молодые люди не отличались болтливостью, смотрели настороженно, не знали, как себя вести. Феликс был темноволос, имел правильное лицо с лучистыми глазами, казался хрупким

– возможно, это было обманчивое впечатление. Тобиас – ниже его на полголовы, старше на несколько лет, не любил бритье и опрятный вид. Он не прятал глаза – смотрел пристально, изучающе.

– Можете на нас рассчитывать, – добавил Курц, – мы всегда готовы помочь. Если выдадите оружие, будем благодарны, не выдадите – пойдем.

– Повременим с оружием, – хмыкнул Гордин. Он с интересом разглядывал новых союзников. – Вам что-нибудь известно, товарищи, о существовании секретной лаборатории, работавшей в Абервельде? Может, ходили слухи или знаете что-то фактическое?

Мужчины задумались, потом переглянулись и вразной пожали плечами.

– Товарищ майор, мы не собираемся ничего утаивать, нам это незачем, – сконфуженно сказал Курц, – но мы пока не понимаем, о чем вы говорите. В городе были разные объекты, здесь стояла воинская часть, работал госпиталь, на западной окраине были военные склады. Точно известно, что за городской чертой собирались строить концлагерь, но эти планы, к счастью, не сбылись...

– Ладно, забудьте, – отмахнулся Андрей. – Для вас есть первое задание, товарищи. Поедете с нашими людьми, будете опрашивать местных жителей. Вам объяснят, чего мы хотим. Операция не боевая, надо поработать головой и проявить терпение.

Мужчины оживились. Они и не рассчитывали, что их сразу бросят в бой под знаменами Интернационала.

Яшу Лапчика, как единственного среди сотрудников, знающего немецкий язык, майор инструктировал особо. Взять Романчука, Несмелова (их вид, по крайней мере, не отпугнет местных), добровольных помощников, пять бойцов при полном вооружении – и выдвинуться на полutorке в северное предместье.

– Вот дорога, – Гордин показал на карте, – здесь возвращалась колонна, здесь она вошла в город. Ее не могли не заметить – это два здоровых грузовика. Куда она направилась? По каким улицам? Если проявить въедливость, можно отследить ее путь. Тактично опрашивать местных жителей, люди Курца помогут. Задача несложная, товарищ лейтенант, вперед. И бойцов проинструктируйте, чтобы вели себя вежливо, местным не хамили и ногами двери не открывали.

Разведка убыла.

Взрыв в городе прогремел как гром среди ясного неба! За сквером, там, где начиналась плотная застройка, встало облако дыма. Капитан Волынцев, грязно ругаясь, первым побежал через парк. Часть бойцов осталась в магистрате – два отделения привели в состояние повышенной готовности, остальные тоже побежали к скверу.

Обвалилась часть здания из бурого кирпича, где еще вчера работала полиция безопасности и СД. Немцы, уходя, оставили сюрприз. Провалился пол на втором этаже, сломались и осыпались стены. Взрыв произошел во время осмотра здания. Об опасности бойцов предупредили, те действовали осторожно. Мину поставили хитрую, с замедленным детонированием. Клеммы замкнулись, когда открыли дверь в крыле, где работало гестапо. Боец попался сообразительный, всполошил товарищей истошным криком. Большинство людей успели выбежать из здания. Двое остались под завалами. Их извлекли сравнительно быстро. Один погиб, другому раздробило бедренную кость. Пострадавшего отвезли в больницу.

Волынцев ругался, потрясал кулаками: ведь он предупреждал!

– Предупреждали, товарищ капитан, – развел руками молодой взводный. – Потому и не все погибли, а только один.

Центральную часть городка теперь патрулировал весь личный состав. Здание полицейского участка осмотрели с особой осторожностью, выявили и нейтрализовали заложенную взрывчатку. Бойцы недовольно ворчали: эти штуки могут оказаться где угодно.

– Всем трудно, товарищи бойцы, не только вам! – покрикивал взводный. – Ничего, проживем и на пороховой бочке!

В подвале полицейского участка обнаружили страшную находку. Бойцы доложили взводному, взводный – Волынцеву, а тот на всякий случай решил поставить в известность майора Гордина.

Подвалы под зданием были глубокие, уходили в подземелье, как в преисподнюю. Лучики света блуждали по влажным каменным стенам. Взору предстали полтора десятка расстрелянных людей. Они валялись вповалку у дальней стены – в момент расстрела падали друг на друга, так их и оставили. От увиденного волосы встали дыбом. Свет фонарей блуждал по искаженным лицам, по глазам, тускло светящимся болью и тоской.

Все расстрелянные были в штатском, большинство – мужчины, только две женщины, среднего возраста. Молодых почти не было – люди в годах, но не очень пожилые. Только одному мужчине было за семьдесят – морщинистый, худой, с торчащими клочками седых волос. Смерть они принимали безропотно – встали у стены, где по ним и открыли огонь. Глубина подвала была приличная, на улице стрельбу не слышали. В подвале стоял неприятный запах – пока еще не густой, но уже явный, вызывающий острое желание бежать.

– Командир, я тебе точно скажу, они лежат тут не больше двух суток, – проговорил на ухо капитан Зинченко. – В подвале прохладно, но не настолько, чтобы тела не разлагались... Город еще у немцев был, когда этих бедолаг порешили. Непохожи они на подпольщиков, согласись? И не евреи – обычные горожане... За что их, командир? В чем они провинились?

– Есть у меня одна версия, Алексей... Готов поспорить, эти люди имели отношение к типографии, которую мы ищем. Видимо, сотрудники, рабочий персонал. Неожиданный для них конец... Считали себя кастой, приобщенными к тайне рейха, получали, видать, неплохую зарплату, соблюдали режим секретности, домашним ничего не говорили... И вдруг – стали не нужны и даже опасны. Типографию подготовили к эвакуации, персонал собрали в полицейском участке, обманом заставили спуститься, полминуты – и концы в воду. И плевать, что загробили лучших специалистов своего дела. Это же талантливые художники-копировщики, граверы, кто там еще...

– Не слишком ли жестоко, командир? Свои же, добросовестно работали...

– О чем ты, Алексей? Все решает целесообразность. Существует хотя бы минимальный риск провала – и никто не колеблется. А ты ожидал от СС чего-то другого? Постреляли и покинули город. В тот момент наш десант еще не перекрыл дорогу. А с грузом провозились. Когда колонна двинулась в путь, наши парашютисты уже сидели в засаде...

Это была только версия, но вполне рабочая. Эти люди жили в Абервельде. Большинство имели семьи, детей. Родные в панике – их близкие пропали, нет никаких сведений. И страшно думать о том, о чем думать не хочется... Требовалось ли подтверждение этой версии? Гордин почти не сомневался. За эту ниточку не потянуть – все мертвы.

Градоначальник Шварцен сидел у себя в кабинете, говорил по телефону, пальцы нервно постукивали по столешнице. В углу на стуле прикорнула дочь Микаэла, она вздрогнула, когда открылась дверь, подняла голову. Женщина еще больше осунулась, но страх прошел.

Градоначальник от неожиданности дернулся, бросил напоследок:

– Я вам перезвоню, господин Штрауб, – и опустил трубку на рычаг. Он начал было неловко подниматься, но Гордин махнул: вольно, господин бургомистр.

– Все в порядке, господин майор? – глава городской управы настороженно посмотрел на майора. – Мы изо всех сил стараемся наладить работу, задействуем все службы... В городе небольшие разрушения, много людей пропало без вести – составляем списки. В двух местах поврежден водопровод, также выведен из строя важный блок на электростанции...

– Могу подкинуть вам еще работу, господин Шварцен. Частично разрушено здание СД и полиции безопасности. При отступлении ваши соотечественники заложили там мину. Мы потеряли двух человек...

Бургомистр втянул голову в плечи, у майора возникло острое желание ударить по ней кувалдой.

– Добавьте в список первоочередных дел разбор завалов. В подвале полицейского участка, расположенного по соседству, найдены полтора десятка мертвых тел. Они одеты в штатское. Все застрелены в упор. Полагаю, это те, кто пропал без вести. Во избежание крикволток сразу скажу – они застрелены сутки или двое назад, когда советских войск еще и близко не было. Нужно разъяснять, кто это сделал? Соберите людей, достаньте тела, составьте список всех погибших с указанием адресов и места работы и не позднее, чем завтра к обеду, предоставьте мне.

– Хорошо, я сделаю... – бургомистр на глазах покрывался крупной сыпью. – А вам это зачем, господин майор?

– Просто сделайте и не спрашивайте. В противном случае будем разговаривать в другом тоне. И не здесь. Мы договорились, господин Шварцен?

– Конечно, о чем речь? Простите, я должен лично отдать указания... Не возражаете? – Бургомистр подавил приступ кашля, выбрался из-за стола и устремился к выходу из кабинета. Майор снисходительно посторонился – потный человек промчался мимо и хлопнул дверью.

– Зачем вы так пугаете моего отца? – тихо спросила Микаэла. – Он и так смертельно напуган. Папа хороший человек и сделает все, чтобы вам угодить. Мы прекрасно понимаем, что германские войска уже не вернутся...

– Почему мы вас пугаем? – удивился Гордин. – А как иначе? Вы уже забыли, что мы – орды неотесанных варваров, которых не приобщили к цивилизации и прогрессивным европейским ценностям? Кто мы такие? Злобные потомки Чингисхана, диких славянских племен... Ваше счастье, что вас только пугают, а не расстреливают в большом количестве. Не будем вспоминать, какие зверства вытворяли ваши соотечественники в мирных советских городах, сколько миллионов людей они убили... о чем, понятно, ваша пропаганда умалчивала. А я это видел своими глазами...

– Вы решили соответствовать своему образу? – девушка печально посмотрела ему в глаза. – Не старайтесь, я уже поняла, что вы не такой. А пропаганда... сильно преувеличивала. Вы озлоблены на нас, есть за что. Но позвольте уточнить – мы не немцы, мы австрийцы. На нас самих вероломно напали в 1938-м и насильно присоединили к Германии. И здесь тоже гибли люди, не только в вашей стране. У вас плохое настроение, господин майор?

– Отвратительное, – признался Гордин. – Ладно, не обижайтесь, обещаю держать себя в руках. Как видите, ничего ужасного не происходит. Ваш папенька снова при должности, солдаты «дикой» армии проявляют благородство и великодушие. Погромов и насилия не отмечено. Вы хорошо знаете этот город?

– Конечно, – удивилась Микаэла, – это мой родной город.

– В данный момент вы безработная, верно? Хотите поработать нашим проводником и переводчиком?

– Но вы же знаете язык... – женщина растерялась.

– Одних знаний маловато. Язык – ничто, если не знаком с менталитетом людей.

– Да, это правильно, – согласилась Микаэла. – Даже не знаю, я подумаю...

– До утра подумайте, а утром будьте готовы. Вас никто не обидит. Идите домой, не надо весь день пасти своего отца, он уже не маленький.

– Знаете, он всегда был другой... – у женщины задрожали губы. – Он был уверен в себе, знал, что делать и как выстраивать работу... Сейчас он сломлен, я его не узнаю, это другой человек...

– Все будет хорошо, – уверил Андрей, – идите домой и ни о чем не думайте. Вам требуется сопровождающий?

– Нет, я тоже не маленькая... Хорошо, господин майор, я только отца предупрежу...

Женщина поднялась со стула и устремилась к выходу.

– Меня Андрей зовут, – проворчал Гордин.

– О, у нас в стране вас бы звали Андреас... Хорошо, я запомню...

Уже темнело, когда вернулась разведка. Усталые солдаты и офицеры выбирались из кузова. Курца с его парнями высадили раньше и отправили по домам. Не ставить же эту публику на довольствие?

– Все ноги стоптали, товарищ майор, – пожаловался Яша Лапчик. – Северную окраину прочесали, заходили в каждый дом. Хоть не стреляли по нам – и то ладно. Пугливые они, эти австрияки. Со своими говорят, а с нами – в упор не хотят. В общем, неутешительный итог. В означенное время никто эту колонну не видел. И никакую другую тоже. Сутками ранее многие уходили на север, шли машины с ранеными, несколько легковушек, пара грузовиков, были даже пешие, бегущие от великой и ужасной Красной армии. Но назад никто не возвращался.

– Врут? – предположил Андрей.

– Могут, – допустил Яков. – Но почему все разом?

– Подожди, давай заново. То есть данная грузовая колонна – это призраки, их видели только наши парашютисты, вступившие с ними в бой?

– Это не совсем призраки, товарищ майор, – поправил Лапчик. – Когда колонна выходила из города в северном направлении, ее видели. Не все, но видели. И это неудивительно, ведь она проходила под окнами домов. Три единицы грузового автотранспорта – в одной из машин сидели пехотинцы в форме Ваффен-СС. Колонну сопровождал легковой «Мерседес» с начальствующим составом. Прошли – и словно в воду канули. Больше их, как говорится, не бачили. Звучит не очень достоверно, но все врать не могут. Мы посетили два десятка дворов и квартир, вели себя сдержанно и учтиво – и нам, кстати, нигде не предложили чаю. Но это нормальные люди, не пришельцы с других планет, просто немного другие. К ним можно подобрать ключики. Картина складывается такая. Колонна ушла на север, нарвалась на наш десант, охрана вступила в бой. На помощь эсэсовцам прибыло подкрепление – это тоже было отмечено мирными гражданами. Примерно через час или два – мнения разнятся – в город вернулись потрепанный грузовик для перевозки личного состава и упомянутый «Мерседес». В кузове находились раненые солдаты. Легковушка шла пустая.

– Хоть кто-то вернулся, – подметил Гордин.

– Но не те. Выжившие остались, не всех же перемолол наш десант. В город вернулись только военнослужащие вермахта. Эсэсовцы пропали.

– И что это значит?

– Значит, что они вернулись в город другой дорогой.

– Там нет других дорог.

– Не все дороги указаны на карте, товарищ майор. Их надо искать, выявлять следы колес. В город не вернулись, на север не прошли... но где-то же они есть? Я поставил себя на их место, товарищ майор, не возражаете? Офицера убили, уцелеть мог младший командир, ему и пришлось принимать решение. Да, возвращаться в город было глупо – наши войска уже подходили вплотную. Они укрыли груз – между городом и тем местом, где от них отстал грузовик с военнослужащими вермахта. Свидетели им не требовались. Эти примерно три километра – горы, скалы, сложный ландшафт. Отъехали и спрятали груз...

– Вместе с тяжелыми грузовиками? – Гордин иронично посмотрел на подчиненного – любителя плести логические узоры.

– Как скажете, товарищ майор, – развел руками Лапчик. – я предлагаю версию, а как у них технически вышло – кто знает? Но одно скажу точно: шансов уйти на север у них не было и нет. Повсюду наши войска, они и трех минут по дороге не проедут. Все, что могут сделать, – укрыть груз в безопасном месте – там здоровые мужчины числом не меньше десятка, – избавиться от

грузовиков и потихоньку выбираться к своим. Или сидеть и ждать, пока их заберут. Только не спрашивайте, кто и когда, – это версия.

– У них могла быть рация, – пробормотал Гордин.

– И это так, – согласился Лапчик. – Рацией воспользовались раз или два, сообщили координаты и покинули эфир от греха подальше. Одно успокаивает, товарищ майор, никуда они не денутся, груз район не покидал.

– А вот в этом я сомневаюсь. Немцы, если прижмет, те еще выдумщики. Нужно обследовать район имеющимися силами. Если повезет, найдем следы. А еще имеется опасение, что в городе остались осведомленные лица и они будут внимательно следить за нашими действиями. Возможно, уже следят...

– Плохо, товарищ майор, – вздохнул Лапчик. – В том-то и особенность нашей службы – мы не знаем, где враг. А он, зараза, может оказаться везде...

– Как вели себя местные товарищи?

– Вы их подозреваете? – лейтенант поежился. – Вроде нормально, рвались помочь, но палку не перегибали... Феликс – забавный малый, может пошутить, – что для этих народностей редкость. Тобиас мрачноват, но все делает правильно. Курц явно хочет помочь и не похож на шпиона. Феликс признался по секрету, что у этого мужика начальная стадия туберкулеза – в концлагере подхватил, да и вообще жизнь не сахар...

– Ладно, на сегодня достаточно. Осталось выяснить: стоим ли мы на довольствии у капитана Волынцева?

Глава третья

Ночь накрыла австрийский городок. Люди сидели по домам, запершись на все замки. Пару раз с окраин доносились выстрелы – видимо, патрули гонялись за призраками. Серьезных инцидентов не было. Усиленные наряды курсировали по центральным улицам, на перекрестках дежурили пулеметчики. Крыши в окрестностях городской управы облюбовали наблюдатели с рациями. Здание магистрата охраняли автоматчики – ходили попарно, всматривались в темноту. В пустующих квартирах первых этажей были установлены скрытые посты.

Сон не шел. Подчиненные храпели – из подвала принесли матрасы, сравнительно чистые одеяла – бойцы спали со всеми удобствами под охраной дружеских штыков.

Андрей спустился во двор. Ночь была сравнительно теплой. Весна разгоралась – последняя военная весна, в этом никто не сомневался. До Германии рукой подать, а там уж ничто не остановит, какие бы укрепления ни воздвигли немцы. Натерпелись русские люди. На востоке давно прошли Польшу, штурмуют восточные районы Германии, медленно продвигаются, впереди мощные оборонительные сооружения на Зееловских высотах, а за ними прямая дорога на фашистскую столицу...

Капитан Волынцев сообщил перед отбоем: взяли Гуфштадт, маленький городок севернее Абервельда. Практически вся Нижняя Австрия очищена от противника. Кому она достанется после войны – пока неизвестно, решат в верхах. Будут ли строить социализм или опять погрязнут в буржуазном мракобесии – время покажет. Но фашизм уже не вернется – проехали... Завтра на усиление гарнизона обещали прислать еще один взвод пехоты. Со дня на день в город войдут подразделения НКВД, будет работать Особый отдел – выявлять неблагонадежный элемент, хватать врагов австрийского народа. Возможно, создадут фильтрационный лагерь. Это сейчас местные спят спокойно, они еще не представляют, что их ждет через пару суток...

За эти два дня предстояло проделать основную работу. Потом начнется неразбериха, ею воспользуются те, кто усиленно прячет концы в воду... Необходимо выбросить все из головы, отдохнуть, а утром посмотреть на дело другими глазами. Ситуация запутанная, концов не видно. Должны же появиться подсказки, нужно обследовать дорогу на север – там должен быть съезд. Не растворилась же вражеская колонна в параллельном мире?

Сон не шел: майор таращился в окно, ходил по кабинету. Лег, выбросил из головы спутанные мысли, но только уснул – нахлынули сновидения, основанные на реальных событиях. Рвались мины, бежала в штыковую атаку толпа с перекошенными лицами, а у пулеметчика, как назло, заклинило затвор. Казалось, это цунами сейчас сметет редкую цепочку красноармейцев-разведчиков, волей рока оказавшихся на острие атаки. Гордин что-то кричал, приказывал бросать гранаты – уж этого добра скопилось предостаточно. Вал разрывов накрыл толпу, мертвые тела устилали землю. Японцы топтались в тридцати метрах от наспех вырытых окопов, спотыкались, мешали друг другу. Потом заработал пулеметчик – встретил огнем перестроившуюся шеренгу, и даже когда они побежали, продолжал стрелять, пока не кончились патроны. Взвод полковой разведки удержал ключевую высоту, за нее лейтенант Гордин получил орден Красного Знамени, а выжившие бойцы – медали «За отвагу».

О том случае на высоте написала газета «Красная звезда» – многое преувеличила, многое опустила, но в целом отразила событие. Именно бои на Халхин-Голе остудили головы японских военачальников, им пришлось отказаться от планов нападения на Советский Союз. Гитлер призывал своих союзников немедленно начать войну, но японцы не спешили, ждали, чем закончится война в Европе. А когда стало ясно, что блицкриг обернулся крахом, окончательно отказались от агрессии.

Не раз потом возникал вопрос: не получи Гордин награду, не случись газетная статья – уберегла бы его судьба от репрессии? Вокруг летели головы, следователи работали кругло-

суточно. Преданные друзья и верные партии люди вдруг стали врагами. Терзала подспудная мысль: не сменилась ли власть в этой горемычной стране, не встали ли у руля силы, решившие похоронить достижения Октября?

Его не тронули, хотя ни на кого не стучал, не копал под товарищей. 1940-й встретил в Сибирском военном округе, прикрепил дополнительный кубик к петлице. Была возможность жениться, и претендентка была приличной, но пока думал – связалась с другим, за него и вышла. Гордин вздохнул облегченно – пусть теперь другой мучается...

1941 год – Западный особый округ, капитан, командир роты дивизионной разведки; тяжелые бои на подступах к украинской столице. Потом голодные, еле одетые, разутые, в количестве трехсот штыков, вырывались они из окружения, из гиблых лесов, пробились, попутно уничтожив до батальона пехоты, вышли к своим... Бои на Дону летом 1943-го – незабываемое месиво под Прохоровкой, предложение перейти на службу в новую структуру – Главное управление контрразведки. Особые отделы вывели из подчинения НКВД, влили в Наркомат обороны. Бывшие особисты стали военными контрразведчиками. Ведомству требовались боевые офицеры, умеющие работать головой. От предложения Андрей не отказался: видел своими глазами, в каких количествах прут на советскую территорию диверсанты и шпионы. Юг России, юг Украины, Румыния, Венгрия, теперь Австрия – десятки важных заданий, гибель друзей, победы, поражения. Дважды он получал контузию, тонул в болоте, падал со скалы и вдруг уверовал в свое бессмертие – по крайней мере на ближайшее время, хотя бы до конца войны...

– Вот, пожалуйста, господин майор, это список лиц, расстрелянных в подвале полицейского участка, – бургомистр Шварцен протянул бумажный лист. – К сожалению, список неполный, некоторые лица еще не идентифицированы – возможно, у них не было родственников, или родственники уехали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.